

© ЭО, 2003 г., № 4

Н.Л. Пушкарёва, О.Е. Казьмина

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ЗАКОНОВ О БРАКЕ В XX в. И ТРАДИЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ

Браком в русской юридической литературе именуется договор (соглашение, союз) мужчины и женщины, заключаемый в определенной форме и влекущий за собой определенные юридические последствия¹. В российской социологии брак понимается как *социальный институт*, основанный на совокупности социальных норм, санкционирующих отношения полов, а также взаимных обязанностей и прав, существенных для функционирования семейной группы².

Одни нормы, обязанности и права, связанные с браком, носят юридический характер и регламентируются в России семейным законодательством, а именно изданными в разное время кодексами о браке и семье (в то время как в странах Европы – не семейным, а общегражданским правом). К юридически регулируемым вопросам в России традиционно относятся вопросы о брачном возрасте, имущественных отношениях в браке, а также перечень оснований для признания брака недействительным и расторжения брачного союза. Другие нормы, обязанности и права не носят юридического характера и регулируются моралью, обычаями и традициями. К таким нормам относят особенности добрачного поведения, ухаживания, выбора брачного партнера, нормы и ожидания партнеров в отношении друг друга и неформальных (в том числе внебрачных) связей каждого из членов брачного союза. Наконец, некоторые вопросы в силу сложившейся практики регулировались и юридическими, и моральными нормами, например, вопросы о взаимной ответственности за экономическое положение семьи, воспитание детей, содержание партнерами друг друга и родителей каждого в старости³.

Конечно, такое деление условно. Нормы частной жизни, в том числе брачные, имеющие моральное и ментальное происхождение, всегда были тесно связаны с властными практиками, а потребности удовлетворять индивидуальные нужды – с системами социальных ограничений, макрополитическим «надзором»⁴.

Этот надзор веками осуществлялся православной церковью, которая была в России – по крайней мере, с конца X и до конца XVII в. – монопольным регулятором брака. Это и позволяет современным исследователям именовать указанный период *православным брачным порядком*⁵. Его основные составляющие – осуждение добрачной сексуальной активности, гетерогенная семья, венчание как форма закрепления брачных уз, моногамный брак, наказуемость адюльтера, сложная процедура развода. Эти положения церковного брачного права казались незыблемыми, на них покоились не только все семейные структуры русского сельского мира, но и всего русского общества вплоть до рубежа XIX–XX вв. Правда, конфликт между нарождавшимися со времени «великих реформ» 1860–1870-х годов гражданскими институтами и нормами церковного права становился все ощутимее, однако все же отказ от заключения церковного (венчального) брака вплоть до Октябрьской революции 1917 г. рассматривался скорее как социальная девианта.

С древнейших времен и до 1722 г. регистрация браков в России велась только при церквях, а с 1722 г. и на протяжении почти двух веков (т.е. до декабря 1917 г.) заключение браков регулировалось и церковными, и светскими нормами права. Усиление

роли «светской составляющей» на протяжении этого времени, а особенно распространившиеся вместе с *женским вопросом* либертианские идеи, достигнувшие к середине XIX в. и России, способствовали популяризации идей гражданского брака, т.е. брачного союза, созданного без участия церкви. Однако вплоть до коренной перестройки всей правовой системы (речь идет о 1917 г.) в России не было социальных учреждений, в которых могли бы быть зарегистрированы браки без участия церкви. Правда, незначительная часть либертиански настроенных молодых людей – по преимуществу в городах – в начале XX в. отказывалась от венчания и, по сути дела, сожительствовала, не стремясь к оформлению супружеских отношений в установленном законом порядке. В городском романсе тех лет присутствовала явная романтизация сожительства как эмансипирующего явления:

Нас венчали не в церкви, не в венцах, не в кружалах,
Нам не пели ни гимнов, ни обрядов венчальных...
А венчала нас буря, а венчали нас ветры...

Длительное сожительство как форма брачного союза получило в официальных документах наименование *фактического брака* и служило выражением отрицания и осуждения прежних христианских норм половых отношений (в России, по сравнению с Европой и вообще западным миром, этот процесс развернулся с опозданием на четверть века⁶). При всех изменах, трагедиях, тайных связях, вторых семьях, неразрешимых драмах выбора – отразившихся в искусстве сложным «лабиринтом сцеплений» (Л.Н. Толстой) – незабываемым утесом вплоть до начала постреволюционных экспериментов оставался законный христианский брак, в идеале – неприкосновенная культурная ценность, под-сознательно оберегаемая и самими «нарушителями». Оберегалась не из боязни скандала или общественного осуждения, но по причине чего-то иного, подспудного, усвоенного самой культурой. Дискуссии, развернувшиеся сразу после революционных потрясений, т.е. в конце 1910-х – начале 1920-х годов, были дискуссиями, порожденные крахом православного брачного порядка и общими процессами секуляризации.

Период экспериментов и дефамилизации: 1917–1926 гг.

1917–1927 гг. были в России десятилетием великих социальных экспериментов, в том числе – в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений⁷. Брачно-семейная политика того времени имела идеологическую опору в тех положениях классиков марксизма и социал-демократии, которые утверждали «неизбежность» установления в новом социалистическом обществе эмансипированных форм отношений между полами. Их следствием должно было стать отмирание брака и, следовательно, семьи старого (буржуазного) типа⁸. Ф. Энгельс обосновывал этот тезис тем, что «брак буржуазного типа» основан на «эгоистической выгоде», уничтожение же частной собственности как конституирующего принципа социально-экономической организации досоциалистического общества должно устранить «все побочные экономические соображения» и стать, по его мнению, началом создания новых форм семейно-брачных отношений, «не имеющих никакого иного мотива, кроме взаимной склонности»⁹. Вопрос об «отмирании» старого брака (по аналогии с «отмиранием» государства при переходе к коммунизму) казался многим идеологам того времени, например, К. Каутскому¹⁰, уже решенным, об-суждению подлежали лишь частности – темпы, формы, условия.

В то же время классики марксизма прекрасно понимали, почему брак в новом обществе «не должен» считаться частным делом, и полагали, что государство может и должно воздействовать на брачные отношения своими законами: «Если бы брак не был основой семьи, то он в такой же малой степени являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба...»¹¹. Потому-то и В.И. Ленин, вопреки ожиданиям некоторых радикально настроенных членов большевистской партии, с самого начала выступал против слишком решительных домок в области семейно-брачных отношений и, следовательно, против «отмены» брака как такового¹², но зато активно поддерживал идею реформирования брачных отношений в духе, выгодном для сози-

даемого советского государства. Речь шла об укреплении и санкционировании системы моногамных брачных союзов (противопоставляющих «мещански-интеллигентски-крестьянский пошлый грязный брак без любви – пролетарскому гражданскому браку с любовью»¹³), т.е. союзов, основанных на свободном индивидуальном выборе и любви. Отвечавший за вопросы культуры в большевистском правительстве нарком А.В. Луначарский утверждал, что такая «советская моногамия» (т.е. лишенная своих «буржуазных» черт – доминирования мужчины и погребения женщины под гнетом домашнего хозяйства) будет переходной формой брака на протяжении всего периода построения коммунистического общества¹⁴.

Началом реализации большевистской брачной политики можно считать декреты Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака»¹⁵, принятые спустя всего полтора месяца после октябрьских событий 1917 г. (что подчеркивает значимость вопроса в глазах большевистских идеологов). Проект декрета о гражданском браке был составлен выдающейся феминисткой и революционеркой, общественной деятельницей и первой в русской истории женщиной-послом А.М. Коллонтай. Первым зарегистрированным советскими органами власти браком в новой России был как раз брак богатой «буржуазки» по происхождению А.М. Коллонтай и влюбленного в нее революционного матроса (бывшего чуть ли не вдвое младше своей избранницы) П.Е. Дыбенко¹⁶.

Декрет «О гражданском браке» впервые в русской истории утверждал, что «церковный брак является частным делом брачащихся», а совершение брака по религиозному обряду и документы, удостоверяющие факт его совершения (церковные метрические книги), отныне признаются не имеющими юридической силы. Взамен церковных книг вводились книги записи актов гражданского состояния. Первые советские декреты о браке постулировали, таким образом, *добровольность* брака и развода; *светский, гражданский характер* брака и развода, их независимость от вероисповедания брачащихся и, наконец, *свободу брака* (который мог быть теперь заключен без согласия родителей или опекунов) и *его расторжения* (последнее, согласно закону, должно было проводиться через судебный орган по объявлению одного супруга, а также через специально создаваемые органы записи актов гражданского состояния – загсы).

Только брак, заключенный в загсе, порождал, согласно новой правовой концепции, права и обязанности супругов. Условием вступления в брак считалось лишь достижение брачного возраста (16 лет для женщин, 18 лет для мужчин, о верхней возрастной грани речи не было¹⁷). Препятствиями к заключению брачного союза являлись наличие у одного из супругов душевного заболевания и состояние жениха и невесты в воспрещенных для брака близких степенях родства.

Декрет «О расторжении брака» существенно облегчал процедуру развода: отныне брак мог быть расторгнут по просьбе одного из супругов – местным судом, при обоюдной просьбе – загсом. Именно загсам передавались дела о расторжении брака, изъятые из ведения судов духовных консисторий, в которых находились более двух столетий¹⁸. Право на получение содержания после развода получали несовершеннолетние дети и – что примечательно – жена (позже, когда женщины оказались втянутыми в общественное производство, такое решение уже казалось пережитком «буржуазного права»¹⁹).

Хотя оба декрета объявлялись путем к «раскрепощению от нежелательных уз брака» и первым шагом в деле реализации «революционного поворота» к свободе в брачно-семейных отношениях, все же их положения могут быть квалифицированы скорее как правовые действия буржуазно-демократического характера, поскольку они уничтожили лишь некоторые элементы феодально-патриархальных взглядов на брачные союзы и лишь частично обеспечили некоторую свободу частной жизни.

Спустя год – 22 октября 1918 г. – был принят отдельный семейно-правовой акт – «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»²⁰. Появление его связывают с общеполитической ситуацией в стране:

послереволюционная разруха и независимость создания новой правовой системы, Гражданская война, «военный коммунизм», «красногвардейская атака на капитал», т.е. национализация. Гражданское право было тогда по сути объявлено отмершим буржуазным институтом²¹, регулирование же семейных отношений государство не желало выпускать из своих рук. Основываясь на дореволюционных нормативных актах, связанных с брачно-семейным законодательством, кодекс 1918 г. расширил перечень препятствий к заключению брака, включив в него наличие у одного из брачащихся или у обоих нерасторгнутого брачного союза. Как и до декрета 1917 г., в законодательстве было проведено различие между разводом и признанием брака недействительным (а именно в случае несовершеннолетия вступившего или вступивших в него; в случае, если у одного из вступавших в брак имелся нерасторгнутый прежний брачный союз; при наличии родства и т.д.)²². В то же время такие серьезные препятствия к браку в дореволюционном законодательстве, как монашество одного из супругов или принадлежность к разным конфессиям²³, в Советской республике не признавались значимыми.

В отличие от дореволюционных правил, муж и жена, по кодексу 1918 г., полностью уравнивались в правах на выбор места жительства и фамилии – вступавшие в брак могли взять фамилию как мужа, так и жены, соединить их вместе и иметь двойную фамилию. Поначалу право мужа брать фамилию жены не имело существенного значения для выживания семьи, являясь, скорее, реализацией идеи равноправия женщин. Но в дальнейшем – при усилении элементов антисемитизма, т.е. в 1930–1950-е годы, приобрело важный смысл, так как в случае различий в этническом происхождении давало возможность каждому супругу и их детям выбрать ту фамилию, которая давала больше шансов в жизни, а именно русскую.

Согласно кодексу 1918 г., заключение брака, как и в дореволюционное время, не порождало общности имущества супругов, раздельность которого оставалась как императивная норма (ст. 105).

Расторжение брака в условиях того времени упростилось до крайности. По заявлению одного из супругов судья (единолично) расторгал брак; никаких доказательств распада семьи не требовалось, ведь кодекс не накладывал на супругов никаких обязательств по совместному проживанию и верности. Вопрос об алиментах отныне должны были решать Отделы социального обеспечения при народных комиссариатах, руководствуясь степенью нуждаемости и трудоспособности заявителей (чаще – заявителем)²⁴. Одновременно закон уравнивал статус законнорожденных и незаконнорожденных детей, а также предусматривал возможность установления отцовства в судебном порядке (за три месяца до разрешения от бремени – ст. 140). Даже если ответчик приводил свидетелей, утверждающих, что в момент предполагаемого зачатия истица сожительствовала с каждым из них, но определить отца предполагаемого ребенка было затруднительно, суд мог наложить обязательство взыскивать алименты со всех предполагаемых отцов в равных долях²⁵.

Кодекс 1918 г. о браке действовал на протяжении 8 лет. Реализация постулированных в нем положений разворачивалась на фоне не только сложных ломок, перестроек и реструктуризаций разных областей общественной жизни, но и общей культурной отсталости населения России, неустойчивости быта, общей психологической дезориентированности. Старые административные органы были ликвидированы, к новым у населения не было доверия. Результатом всемерных усилий большевистских идеологов по «политической мобилизации» индивидов, их ориентации на быстрое приближение коммунистического рая (путем беззаветного служения идеалам революции) стала дефамилизация социальной жизни и примитивизация моральных норм, связанных с отношениями между полами²⁶. Отделив церковь от государства и признав несущественным церковное венчание (как то было предписано нормативными актами Советской республики), новые властные структуры установили собственный контроль за брачностью индивидов и начали диктовать новые нормы регулирования частной жизни. Год за годом семейная сфера политизирова-

лась, а в стране начал утверждаться *этакратический брачный порядок*, при котором именно государство не только присвоило себе право санкционировать заключение брачных уз, но и вмешиваться в частные дела своих граждан.

Многобрачие в СССР запрещалось даже для лиц, исповедующих ислам. Церковный брак и церковные нормы супружеской жизни, не став альтернативой браку гражданскому, начали маркироваться как девиация. Венчаться, правда, не запрещалось, но православные брачные нормы высмеивались как проявление политической отсталости, что вызывало недоумение и возмущение у зарубежных юристов²⁷. «Традиционная религиозность быстро испарилась под влиянием новых условий жизни», — вспоминала современница²⁸. Особенно активную борьбу с «пережитками прошлого», к которым был отнесен и венчальный брак, развернула молодежная печать, публиковавшая стенограммы публичных судов над «набожными комсомольцами», решившимися на венчание²⁹. Одновременно пропагандировались «красные свадьбы», в которых в роли «священников» — своими напутствиями и благословениями — выступали секретари комсомольских и партийных организаций³⁰.

Не удивительно, что к середине 1920-х годов желающих вступать в церковный брак в России существенно поубавилось. Однако молодежь не спешила с регистрацией браков и в новых советских учреждениях (загсах) и предпочитала попросту сожительствовать. Вопрос о фактических браках оказался в центре бурных обсуждений, в которые постепенно втянулись не только юристы³¹ и врачи (поскольку именно на них возложили ответственность за «физическое сохранение и укрепление расы» в условиях революционных преобразований брачных отношений)³², но и социальные и идеологические работники, педагоги, чиновники и, конечно, «труженики слова» (журналисты, поэты, писатели)³³.

Некоторые участники дискуссий в середине 1920-х годов, сходились во мнении, что «старый брак умер, а формы нового еще не созданы...»³⁴. Подобный взгляд на брак существовал наряду с полярными точками зрения.

Одна из точек зрения — сугубо классовая и аскетическая — принадлежит педологу и психоаналитику А.Б. Залкинду, которого за лечение от нервных расстройств многих видных партийных деятелей прозвали «врачом партии». В своем программном произведении — «12 половых заповедей пролетариата» А.Б. Залкинд настаивал на необходимости подчинения брачной жизни строгому классовому контролю и объявлял половую жизнь «допустимой лишь в том ее содержании, которое способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности..., боевой готовности»... «Необходимо половое воздержание до брака. Брак — лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости... Любовь должна быть моногамной, моноандрической... Класс, — заключал автор, — имеет право вмешиваться в половую жизнь своих членов»³⁵. Если такого вмешательства не будет, — продолжал мысль А.Б. Залкинда его сторонник, также педолог и детский психолог, — то «пары, вступающие в содружество», могут оказаться «паразитически съедены половым пауком», и пара тогда «оторвется от своего коллектива и окружающей общественности»³⁶.

Другую точку зрения на брак нового типа защищала уже упомянутая выше «чайка революции» А.М. Коллонтай. «Какие только формы брачного и любовного общения не примеривает к себе человечество, — сетовала она, — а сексуальный кризис ни на йоту не смягчается. Такой пестроты брачных отношений еще не знавала история: неразрывный брак с устойчивой семьей и рядом преходящая любовная связь, тайный адюльтер в браке и открытое сожителство девушки и возлюбленного — «дикий брак», и брак парный, и «брак втроем» и даже сложная форма брака вчетвером. Можно лишь удивляться, как удается человеку, сохранившему в душе веру в незыблемость моральных авторитетов, разобраться в этих противоречиях и лавировать среди всех этих взаимно исключających друг друга несовместимых моральных предписаний...»³⁷. А.М. Коллонтай полагала, что новые брачные отношения должны основываться на равенстве во взаимоотношениях партнеров, взаимном признании прав друг друга без попыток и претензий владеть безраздельно и до конца дней

его / ее сердцем и, наконец, на взаимном умении прислушиваться и понимать работу души любимого человека. Ее концепция нового брака, изложенная в статье «Дорогу крылатому Эросу!», основывалась на убеждении, что новое, создаваемое большевиками государство способно будет освободить женщину от «ига материнства» (так как возьмет на себя воспитание детей), а также от монотонной унылости домашней работы, что даст возможность супругам большее время посвящать друг другу, и поэтому браки будут всегда основаны на любовной страсти и духовной общности³⁸. Именно А.М. Коллонтай принадлежала идея неперменного разведения понятий «брак» и «семья» (что в ее понимании почти равнялось понятию «кухня»!): «Отделение кухни от брака» – великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере, в исторической судьбе женщины»³⁹.

Молодежная пресса тех лет убеждает современного исследователя, что у А.М. Коллонтай было куда больше сторонников, нежели у А.Б. Залкинда. Однако ее концепция не только не была взята на вооружение, но долгое время замалчивалась в российской науке, так как выглядела конкурирующей с пропагандируемым коммунистическим аскетизмом – символом высокой духовности. И все же советская власть не могла не признать самого факта растущей распространенности фактических браков. Советская юстиция того времени была последовательна в своем стремлении считать значимым не столько факт регистрации союза в советских органах власти, сколько взаимное соглашение сторон. Кроме того, к признанию фактического брака наравне с зарегистрированным подталкивало растущее число женщин с детьми из малообеспеченных и с правовой точки зрения самых незащищенных слоев населения, брошенных фактическими супругами и не имевших ни прав на имущество, ни на взыскание алиментов с беглецов. Специальные определения Верховного суда РСФСР, образованного в 1924 г., приблизили фактический брак к зарегистрированному, а практика вообще уравнила их⁴⁰. «Сейчас брак между комсомольцами почти не замечается. Очевидно, здесь найдены другие формы взаимоотношений», – полагал корреспондент молодежного журнала «Смена»⁴¹.

«Другие формы взаимоотношений» представлял «брак втроем» – совместная жизнь молодой женщины и нескольких (по крайней мере – двух) фактических мужей. Опыт такого брака, в котором каждый из «мужей» не только считал себя отцом новорожденного ребенка, но и одновременно был «убежденным комсомольцем и рабфаковцем», представлен в драматургическом произведении лично пережившего это время В.Б. Шкловского (сценарий В.Б. Шкловского назывался «Любовь втроем», но это рабочее название было заменено А.М. Роомом, режиссером-постановщиком фильма, поставленного в 1927 г., на «Третью Мещанскую») ⁴². Любопытно, что еще в конце 1920-х годов участники съемок считали «любовь втроем» – настоящим браком будущего, «не знающим ревности, лишенным частнособственнических начал, может быть, коллективным...»⁴³. О том, что драматург и режиссер отобразили в фильме не исключение, а «далеко не единичный факт», имеются документальные подтверждения в воспоминаниях современников⁴⁴. Самым известным является своеобразный «брак втроем» Осипа и Лили Брик и влюбленного в Лилию В.В. Маяковского⁴⁵.

Для признания юридической силы за фактическими брачными отношениями в конце 1920-х – начале 1930-х годов необходимо было доказать наличие совместного проживания, ведения общего хозяйства, супружеских отношений перед третьими лицами, по возможности обосновать взаимную материальную поддержку, «совместное» воспитание детей⁴⁶. Но подчас – вплоть до появления детей – фактические супруги и не стремились к признанию своего сожителства браком. Общей тенденцией тех лет было расширение круга сексуальных партнеров у женщин (за счет «женихов», «друзей»), распространенность внебрачных отношений. Добрачные сексуальные связи в обстановке тех лет, когда ежедневно постулировались равные права мужчин и женщин и необходимость вовлечения женщин в профессиональную деятельность и т.д., перестали быть «привилегией» мужчин⁴⁷.

Не случайно на протяжении 1920-х – начала 1930-х годов продолжал существовать «брак самокруткой», «самохвосткой» или «самоходкой», т.е. без согласия родителей.

Теперь новые права	Не скажу я никому,
Не надо и венчаться –	Куды сей вечер пойду,
В комитете за столом	Кладу ноги на дорогу,
Только расписаться...	Самоходкой стегану... ⁴⁸

Речь в частушке шла прежде всего о девушках, которые самовольно уходили от родителей, забирая часть имущества, и создавали свои семьи без позволения старших в семье: с появлением новых законов девушка могла забрать свою часть имущества и «расписаться» безо всякого венчания, во время которого требовалось *признание благословения* родителей.

Самоходкой милый звал,	Самоходочкой уйду,
Мама побоялась,	Тяте сделаю беду.
Надо было бы идти,	Тяте сделаю беду,
Пускай б она ругалась... ⁴⁹	Корову, овцу уведу ⁵⁰ .

Так или иначе, но новый Кодекс о браке, семье и опеке 1926 г. вынужден был придать правовое значение фактическим брачным отношениям⁵¹, которые никем не санкционировались. Если кто-то, не расторгнув зарегистрированного брака с другим лицом, считал себя свободным от брачных обязательств и вступал в новые, уже фактические брачные отношения с третьим лицом, то преимущество оказывалось за... фактическим браком (ведь регистрация отныне была не более чем формальностью). Осуществлять в таких правовых обстоятельствах принцип единобрачия стало весьма затруднительно, так что вопрос о возможности существования параллельных браков оказался открытым⁵². Право брошенных супругов на получение алиментов на собственное содержание было ограничено одним годом, а алиментов на детей – их совершеннолетием (18 годами). При этом – как ни парадоксально – при всем уменьшении государственного контроля за брачностью и разводимостью после кодекса 1926 г. число расторжений брачных союзов не намного увеличилось, если вести сравнение с «годами великого эксперимента» (1918–1926).

Кодекс 1926 г. ввел единый брачный возраст для мужчин и женщин (18 лет). Об этом позаботились партийные идеологи тех лет, считавшие, что браки в раннем возрасте мешают женщинам получать достойное образование и не способствуют их профессиональному росту, что было отчасти правильно. Кроме того, в кодексе 1926 г. было немало других статей, обеспечивающих с правовой точки зрения интересы женщин: запись об отцовстве по письменному заявлению женщины (доказательств не требовалось – предполагаемому отцу предлагалась лишь возможность оспорить через суд в течение года это правовое действие матери ребенка); введение принципа общности семейного имущества (вне зависимости от того, был ли брак только фактическим или же официально зарегистрированным, поскольку в практике судов труд женщины в домашнем хозяйстве все чаще приравнивался к труду мужчин по добыванию средств к жизни⁵³).

Расторжение брака через судебные инстанции было отменено. Согласно закону, брак отныне следовало расторгать в загсах, причем присутствие другой стороны во время этой процедуры объявлялось необязательным: о факте развода ему или ей сообщалось почтовой открыткой.

Рождение и победа этакратического брачного порядка (1927–1968 гг.)

Кодекс 1926 г. вступил в силу 1 января 1927 г., положив начало этапу стабильности советского брачного права. Эта стабильность объяснялась в том числе и тем, что сталинское время с его морализмом и ханжеством загнало вглубь легальные процессы 1920-х годов. С различными добавлениями и изменениями (подчас, правда, очень значительными) принятый в 1926 г. кодекс просуществовал в СССР до 1968 г. При

этом, едва будучи принят, он стал рассматриваться как акт скорее императивного, принудительного свойства, не случайно в его нормах многие юристы увидели публично-правовые элементы. Современные российские социологи склонны даже говорить о том, что с начала 1930-х годов «наступило полное торжество идеалов А. Залкина: вся страна стала казармой с единым уставом – двенадцатью заповедями пролетариата»⁵⁴. Не стоит забывать и того, что наряду со свертыванием новой экономической политики и усилением тоталитаризма в управлении страной стремление советской власти стереть всякую социальную дифференциацию закономерно привело к культивированию бесполости, что и отразилось в клише «советский человек» (символе тоталитарной андрогинии)⁵⁵.

Довольно быстро, буквально в течение нескольких лет, выгодные советской идеологии нормы сексуального и брачного поведения, пестовавшиеся православной церковью веками, приобрели характеристики «непререкаемых»: настоящий «советский человек» должен был ориентироваться на моногамный брак (желательно, один на всю жизнь, развод становился «пятном» на профессиональной биографии и мог помешать карьерному росту), добрачная половая жизнь и сожителство стали, как и до революции, считаться аморальными, отклоняющиеся нормы сексуального и брачного поведения – строго осуждаемыми и наказуемыми⁵⁶, поскольку «сексуальная распущенность» отныне трактовалась как «контрреволюционность». Дискуссии о браке десятилетней давности в молодежной прессе 1930-х годов представлялись как «буржуазные происки», основанные «на желании разложить молодежь политически»⁵⁷. Возврат к патриархальным нормам православной морали был очевидным, став основой двоемыслия и двойных поведенческих стандартов. Знаменитый автор книги «Семья и брак в их историческом развитии» академик С.Я. Вольфсон, писавший в 1920-е годы о неизбежности «отмирания» брака, в 1937 г. объявил моногамный брак «базовой основой» семьи, которая будет существовать и при коммунизме⁵⁸.

В частности, тоталитарная власть легко взяла на вооружение аскетизм как концепцию православной доктрины⁵⁹ и стала изоциренно пользоваться ею, не внося, однако, долгое время изменений в законодательство, а пользуясь системой «разъяснений» Верховного суда, т.е. подзаконных актов, публиковавшихся ежегодно. В этих «разъяснениях» идеологи и работавшие по их указке законодатели зорко следили за тем, чтобы «не плестись в хвосте обывательских настроений, унаследованных от старого режима», а ориентироваться на новую, социалистическую мораль⁶⁰. Именно такая ориентация заставила новую власть решительно отказаться от идей защиты частнопровового начала и усилить свое вмешательство в регулирование личных отношений между людьми. Тоталитарное государство не могло терпеть проявлений автономной воли индивида даже в такой сугубо личной сфере, как брачные отношения. В стране началось складывание *этакратического брачного порядка*⁶¹. Право на брак в сталинской России постепенно стало превращаться в общественную обязанность, которую возлагало на индивидов государство. «Государство кровно заинтересовано в каждом индивидуальном семейном коллективе, – с бесхитростной откровенностью заявлялось в юридической литературе тех лет. – Оно диктует, властно указывает, определяет условия, гарантирующие интересы коллектива, обеспечивающие выполнение долга по отношению к коллективу»⁶².

Не иначе, как следствием желания обеспечить «выполнение долга по отношению к коллективу», следует рассматривать ряд изданных в 1930–1940-е годы весьма мрачных постановлений ЦК партии и Совета народных комиссаров СССР, внесших существенные поправки в кодекс 1926 г. Самым известным среди них было постановление от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов... и некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁶³, ставшее не только ярким свидетельством поражения женщин в их репродуктивных правах, но и положившее начало усложнению бракоразводной процедуры. Постановление предписывало обязательное присутствие при разводе обоих разводящихся и (что было нововведением) обязывало загсы делать

отметку о разводе в паспорте каждого. Вводилась плата за развод, прогрессивно возрастающая с каждым новым разводом (50, 150, 300 и более рублей). Образец идеальной брачной жизни являл сам И.В. Сталин – ни разу не разведившийся вдовец с двумя детьми, не вступивший в новый брак после смерти жены и отдающий всего себя «высокой идее».

После постановления 1936 г. развод окончательно перестал считаться частным делом, и обсуждение вопроса о сохранении или расторжении брака стало все чаще выноситься на общие собрания профессиональных коллективов и особенно партийных или комсомольских ячеек. Действие постановления не случайно совпало с началом «большого террора» и попытками установить тотальную слежку за возможно большим числом людей, сузив рамки той части жизни, в которую не имело права вмешиваться государство. Пропаганда многодетности и борьба за «советскую моногамию» объяснялись ситуацией громадных демографических потерь, связанных с коллективизацией и «строительством основ социализма». Эти потери были столь велики и очевидны, что данные переписи конца 1930-х годов, в которых они отразились, засекретили. Следующим ударом по численности населения СССР оказалась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Чтобы ее «демографическое эхо» не было слишком громким, советское правительство предприняло ряд мероприятий, искусственно укреплявших брачные союзы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. правовое значение придавалось только зарегистрированному браку; вступившим в фактический брак в 1926–1944 гг. предписывалось немедленно зафиксировать его в загсах – в противном случае брак объявлялся незаконным, а дети – лишенными прав на семейное имущество. Разумеется, этот указ был продиктован временем. В условиях ломки повседневных брачных практик, которую повлекла за собой война, масса так называемых «ппж» («полевых походных жен») ставила под угрозу существование самого института брака. Чтобы поставить ситуацию под контроль, указ объявлял всех детей, рожденных вне зарегистрированных браков, лишенными отца; установление отцовства (даже при добровольном признании) запрещалось⁶⁴. В отношении разводов устанавливалась двухступенчатая процедура: дело необходимо было рассматривать в двух судах (вначале – в народном, который призван был примирить супругов, поэтому в случае несогласия одной из сторон на расторжение брака дело о разводе могло тянуться долго, а далее – в суде второй инстанции) при обязательной явке обеих сторон. Законом предписывалось опубликовать информацию о разводе в местной газете (поскольку это должно было усилить моральное осуждение «общественностью» разведившихся). Разумеется, в паспортах обеих супругов делалась отметка о разводе. Кроме того, с одного или обоих разводящихся (в зависимости от того, соглашались ли оба на развод, или только один из них) бралась госпошлина в размере от 500 до 2000 рублей (для сравнения: месячная зарплата научного сотрудника равнялась 1750–2000 рублей, т.е. размер выплаты был не очень высоким, но все же ощутимым).

15 февраля 1947 г. был опубликован принятый Президиумом Верховного Совета СССР Указ «О запрещении браков с иностранцами». Официальная версия запрещения – забота о советском человеке, ибо наши женщины, выйдя замуж за иностранцев и оказавшись за границей в непривычных условиях, чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации. В действительности же дело было в развивающемся сталинском изоляционизме: подобные браки рассматривались как антипатриотичные⁶⁵. Антиконституционный указ, принятый по воле Сталина, которого вновь стали одолевать приступы шпиономании, разрушил судьбы не только тех, кто только намеревался вступить в брак с иностранцем или иностранкой. В категорию агентов империализма автоматически попали и те, кто давным-давно связал свою судьбу с гражданами других стран, в том числе с зарубежными коммунистами. Супругам запретили выезд за границу для воссоединения семьи; в лагеря и тюрьмы по обвинению в шпионаже оказались отправлены как советские граждане, состоявшие в браке с иност-

ранцами, так и их жены и мужья. Наглядно подтвердив существование «железного занавеса», упомянутого У. Черчиллем в 1946 г., указ стал трагедией для сотен мужчин и женщин как в Советском Союзе, так и в других странах (что оказалось позже отображенным в пьесе Л. Зорина «Варшавская мелодия», в которой герои вынужденно расстаются на 30 лет и после разлуки встречаются в аэропорту, где «он» не узнает «ее» и рассказывает историю их любви)⁶⁶. Весьма любопытно, что в советских сборниках документов и материалов по истории СССР Указ «О запрещении браков с иностранцами» обходился стыдливым молчанием⁶⁷.

Вместо укрепления брака и повышения ответственности супругов за совершенный ими акт создания семьи государство своими волюнтаристскими решениями добилось лишь увеличения числа внебрачных связей. Разумеется, ни о каких дискуссиях, а тем более критике брачного законодательства, в сталинскую эпоху и речи не могло быть. Тогдашние юристы и обществоведы вовсю славословили указы 1936 и 1944 гг.⁶⁸ И вплоть до 1965 г., когда на волне еще памятной политической «оттепели» был принят новый Указ Президиума Верховного Совета СССР «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака», в РСФСР и СССР действовали нормы, принятые в годы войны. Демографическая ситуация в стране оставалась сложной, довоенная численность населения была восстановлена лишь к 1955 г.⁶⁹, и представителям государственной власти казалось необходимым и естественным делать все возможное для «укрепления социалистических семей» (через репрессивную брачную политику).

Другой стороной этакратического гендерного порядка являлось сохранение немалого числа браков, заключенных не на основании «взаимной склонности», как о том мечталось основоположникам марксистской идеи «нового быта», а из все тех же меркантильных соображений. Уничтожение частной собственности не повлекло за собой экономического равенства людей. Неравная зарплата, неравные бытовые условия были причиной появления браков, о которых осуждающе писали газеты: «дряхлый, чуть ли не столетний «стиляга» при деньгах, а рядом – молоденькая девушка в качестве его очередной, притом добровольной жены...»⁷⁰. Помимо таких (вполне законных!) браков большое распространение – в связи с существованием института «прописки» и неравных бытовых условий жизни в крупных и провинциальных городах, в городе и на селе, – получили и фиктивные браки: когда одному из партнеров срочно требовалось выбраться в «лучшую жизнь»⁷¹.

Лишь в 1965 г. громоздкий двухстадийный порядок рассмотрения бракоразводных дел и открытого вмешательства в частную жизнь граждан (обнародование факта развода через печатные органы) был признан исчерпавшим себя и устаревшим. Государство вынуждено было признать, что в воспитании ответственности за заключенный брак и созданную с его помощью семью репрессивными мерами успехов не добиться. В этакратическом брачном порядке наметились первые следы эрозии.

Это не могло не отразиться на научной литературе тех лет, поскольку именно в начале 1960-х годов в российских гуманитарных науках институционализировалась социология. Среди бурных обсуждений российских ученых в то время заметное место заняла дискуссия о дефинициях брака и семьи, в ходе которой были высказаны и несколько неожиданные идеи (например, о наименовании «семей» лишь тех брачных союзов, которые имеют детей; сам брак в этом случае должен был рассматриваться лишь как «механизм ролевого сотрудничества индивидов для удовлетворения определенной совокупности потребностей»⁷²). По ходу обсуждения вопроса о функциях семьи как социального института исследователи неизбежно сталкивались с необходимостью описать и проанализировать причины устойчивого, хотя и не резкого снижения брачности и трансформаций патриархального (традиционного) брака как терпящей устойчивость системы социальных взаимоотношений в современную им эпоху⁷³. Но к единому мнению им прийти не удалось. Так или иначе, но на вопрос «Что вы для себя считали решающим при вступлении в брак?» из 500 супружеских пар 45% ответили – «любовь», 14,5 – «духовную близость», 13,5 – «внешнее обая-

ние», 7 – «ожидание ребенка» (не стоит забывать, что ситуация с контрацептивами оставалась очень сложной!), 7 – уже отмеченные нами выше «экономические и жилищные условия» и еще 6% – «необходимость брака» как таковую⁷⁴.

Закат и кризис этатрагического брачного порядка (1968–1991 гг.)

Конец 1960-х годов ознаменовался принятием ряда законодательных актов о браке и семье. В 1967–1968 гг. в союзных республиках были изданы указы, вносившие некоторые изменения в кодексы о браке и семье, в частности в России подобный указ появился в феврале 1968 г. 27 июня 1968 г. Верховным Советом СССР были утверждены «Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье». Этот документ регулировал брачно-семейные отношения до октября 1979 г., когда в него внесли отдельные изменения и поправки. На базе «Основ законодательства СССР и союзных республик о браке и семье» в 1969 г. появился новый Кодекс о браке и семье РСФСР (с некоторыми дополнениями и изменениями он просуществовал до 1996 г.). В «Основах законодательства...» были сделаны некоторые послабления, по сравнению с более жесткими нормами предыдущих десятилетий. В законодательстве также декларировались желаемые постулаты этического свойства («брак по любви»), которые фактически не могли быть регулируемы правом.

«Основы законодательства...» провозглашали, что прочная семья – одна из важнейших забот Советского государства. В первой же статье этого документа говорилось о задачах нового законодательства. В духе того времени среди них назывались дальнейшее укрепление советской семьи, основанной на принципах коммунистической морали; построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, свободном от материальных расчетов и основанном на чувстве взаимной любви, дружбы и уважения; окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого в семейных отношениях⁷⁵.

В новых «Основах законодательства...» подчеркивалось, что брак возможен только при взаимном согласии жениха и невесты. За насильственное воздействие на женщин с целью принуждения к вступлению в брак, продолжения брака или, наоборот, с целью создания препятствий к вступлению в брак предусматривалось уголовное наказание вплоть до лишения свободы сроком до двух лет. Сватовство, «колыбельный сговор», левират назывались пережитками прошлого, причем они считались особенно вредными в тех случаях, когда сопровождалась уплатой и принятием выкупа за невесту, что было наказуемо в уголовном порядке. В юридической литературе тех лет разъяснялось, что советский закон таким образом отвергает якобы присущий буржуазному обществу взгляд на брак как на сделку⁷⁶.

Минимально допустимый возраст вступления в брак сохранялся прежний – 18 лет для обоих полов. Фактически средний возраст вступления в брак был существенно выше, он заметно увеличился по сравнению с началом века. В 1960 г. лишь 26,3 % женщин выходили замуж в возрасте до 20 лет (для сравнения: в 1910 г. таких невест было 54,5 %) ⁷⁷. По-прежнему подчеркивалось, что брак не может быть заключен между лицами, хотя бы одно из которых состояло на момент регистрации в другом браке (нарушение единобрачия влекло за собой признание брака недействительным), запрещались браки между близкими родственниками, а также усыновителями и усыновленными. Не мог быть заключен брак и в случае, если один из вступающих в него был недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия. «Основы законодательства...» (ст. 3, 12) закрепляли не только добровольность брачного союза, но и одинаковые имущественные права супругов (в том числе и в случае, если один из них не имел самостоятельного заработка, а занимался ведением домашнего хозяйства или уходом за детьми) и их равноправие в семейных отношениях (последнее имело явно декларативный характер, поскольку никаких санкций за нарушение равенства не предусматривалось: скажем, не занимавшиеся детьми отцы никак не наказывались).

Закреплялось равенство супругов в выборе фамилии, занятий и места жительства (по закону, супруги не были *обязаны* жить совместно, но при этом совместное проживание считалось структурообразующим признаком семьи). В новом законодательстве впервые говорилось, что заключение брака (если молодожены не настаивают на ином) должно производиться в торжественной обстановке⁷⁸. Последним демонстрировалось, что общество придает большое значение институту брака, а также закреплялись изменения в структурах повседневности: поколение «родителей», заключавшее браки в 1920-е годы и позже, в сущности было приучено к советскому аскетизму и минимализму, который выражался в том числе и в очень формальной, 10–15-минутной, процедуре регистрации брака чиновницей в загсе. (Хотя свадебная традиция продолжала жить и сопровождала заключение браков в загсах.)

Основной целью брака государство, как и раньше, провозглашало рождение детей. Отсюда брало начало отрицательное отношение к разводам. И хотя многие запретительные меры прошлых лет в этой области были отменены, в новом законодательстве имелось немало положений, направленных на упрочение семьи и сдерживание «разводимости». Так, по новому законодательству устанавливался единый минимальный срок – один месяц – между подачей заявления и регистрацией брака. Такая мера, по замыслу разработчиков, должна была препятствовать легкомысленному заключению брака. Месячный срок мог быть уменьшен только в особых случаях (чаще всего в случае беременности невесты) исполкомом районного или городского совета депутатов трудящихся (местный орган власти)⁷⁹. В действительности на «проверку чувств» давалось около трех месяцев, что мотивировалось нередко «большим числом желающих вступить в брак» и необходимостью соблюдать «очередь».

По «Основам законодательства...» 1968 г. регистрация брака могла быть осуществлена лишь при предоставлении необходимых документов: удостоверения личности, подписки об отсутствии препятствий к вступлению в брак и о взаимной осведомленности будущих супругов о состоянии их здоровья (при этом само по себе наличие болезней препятствием не считалось), данных об очередности брака (т.е. является ли этот брак первым, вторым и т.д.) и о наличии детей от предыдущих браков⁸⁰. «Основы законодательства...» также предусматривали основания для признания брака недействительным (фиктивный брак⁸¹, заключение брака без согласия хотя бы одного из вступающих в него и т.п.)⁸². Мужу запрещалось без согласия жены возбуждать дело о разводе в период ее беременности и в течение года после рождения ребенка⁸³.

Вместе с тем в некоторых случаях процедура развода упрощалась. Так, наряду с разводом через суд новое законодательство допускало возможность расторжения брака через загс, без обращения в суд, в случаях когда супруги не имели несовершеннолетних детей и оба были согласны на развод. Чтобы предотвратить «необдуманные» разводы, закон предписывал оформлять расторжение брака через три месяца с момента подачи заявления⁸⁴. Упрощенный порядок развода разрешалось применять в случаях, если один из супругов признавался безвестно пропавшим, недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия или оказывался осужденным к лишению свободы на срок от трех лет и более⁸⁵. Показателем сохранения элементов тоталитарно-административной системы в СССР оставалось право вмешательства государственных органов в личную жизнь граждан. Суд оставлял за собой право отказать в расторжении брака, даже когда об этом просили оба супруга. Судья мог отложить рассмотрение дела, назначив разводящимся срок для примирения (до 6 мес.), во время которого на супругов оказывалось давление со стороны партийной, профсоюзной и комсомольской организаций по месту их работы⁸⁶. Подавших на развод «разбирали» и «прорабатывали» – по жалобе одной из сторон (чаще женщин, обращавшихся в месткомы и парткомы) – коллеги на общих собраниях, что нашло отражение в художественной литературе (Д. Гранин «Дождь в чужом городе») и кинофильмах («Разные судьбы»). Поскольку же в целом, несмотря на ряд

ограничений, новое законодательство упрощало процедуру развода, конец 1960-х годов, а особенно 1970–1980-е годы знаменовались резким ростом показателей разводимости (ее стабилизация – причем на достаточно высоком уровне – произошла лишь в конце 1980-х годов). Особенно высокой разводимость всегда была в городах (если в 1960-е годы число разводов в городах в 20 (!) раз превышало число разводов в деревне, жившей более «по традиции», чем «по закону»⁸⁷, то к началу 1970-х годов этот разрыв значительно сократился, но город, особенно большой, все равно давал большее число разводов).

Отношение к незарегистрированным сожительствам тоже явно изменилось. Государство по-прежнему признавало только зарегистрированные брачные союзы, которые и способствовали консервации охраняемых законом прав и обязанностей супругов. Однако вопрос об отцовстве в незарегистрированных союзах решался по-новому. Как и прежде, запись о матери в свидетельстве о рождении внебрачного ребенка делалась по ее заявлению, но теперь в нем можно было сделать и запись об отце (раньше в подобных случаях в свидетельстве о рождении ребенка ставился прочерк, что причиняло детям моральные травмы). Запись об отцовстве стала делаться по совместному заявлению родителей или по решению суда об установлении отцовства (за мужчиной при этом оставалось право оспорить факт отцовства).

Более того, запись об отце делалась и тогда, когда не имелось ни заявления, ни решения суда: по новому законодательству в графу «отец» в таких случаях вписывалась фамилия матери в мужском роде, а имя и отчество «отца» – любые по выбору матери (в метрической книге в загсе при этом должна была делаться соответствующая пометка во избежание возможного конфликта, если фамилия, имя и отчество, записанные в свидетельстве, совпадут с персональными данными реального человека)⁸⁸. Это нововведение защищало интересы ребенка и в какой-то степени устанавливало компромисс между интересами женщины (заинтересованной получать помощь от реального отца ребенка), с одной стороны, и интересами мужчины (не всегда желавшего брать на себя ответственность отцовства) и «общества» (которому нужны были прочные семьи, основанные на зарегистрированных браках) – с другой⁸⁹. «Основы законодательства...» придавали новому порядку о записи отца обратную силу, т.е. эта запись могла быть сделана и в свидетельства детей, рожденных до 1968 г.⁹⁰

Этакратический брачный порядок, формировавшийся на протяжении 40 лет, наконец, был официально закреплён в Конституции 1977 г., в которую внесли специальную статью о браке и семье (ст. 53): «Семья находится под защитой государства». Брак, согласно Конституции 1977, считался основанным на добровольном согласии женщины и мужчины; как и ранее, декларировалось полное равноправие в семейных отношениях, однако что под ним понималось – не указывалось⁹¹.

Для второй половины 1980-х годов стала характерна стабилизация показателей брачности, хотя и с некоторой тенденцией к их снижению. Небольшое повышение показателя брачности, отмеченное в середине 1980-х годов, быстро сменилось резким его снижением.

В 1986 г. в тогда еще едином СССР по инициативе М.С. Горбачева началась антиалкогольная кампания. Она коснулась и брачной сферы. Всячески пропагандировались так называемые безалкогольные свадьбы, когда на торжествах, обычно завершавших брачные церемонии, пили лишь безалкогольные напитки, а бутылки с шампанским, другими винами, водкой новобрачные и гости тайком доставали из-под стола. В ответ на такое нововведение в народе появилась шутка: «От безалкогольной свадьбы к непорочному зачатию», высмеивавшая не только антиалкогольную кампанию, но и ханжеское отношение властей к брачно-семейным отношениям.

Вплоть до самого конца существования советской системы государство – ничуть не менее, чем Синод в XVIII – начале XX в. – стремилось вмешиваться в семейные отношения граждан, побуждая их сохранять и фактически изжившие себя брачные союзы. Через парткомы и профкомы оно все еще пыталось контролировать нравст-

венность своих граждан и добивалось крепости семейных уз, пусть зачастую и формальных. Развод – настаивали начальники отделов кадров на предприятиях и в учреждениях – мог «помешать» успешной карьере мужчины (но не женщины!).

Для всего рассматриваемого периода было характерно довольно сильное давление общественного мнения на брачное поведение (подобное давление значительно ослабло лишь в 1990-е годы, да и то в основном в крупных городах). Женщины, не вышедшие замуж до определенного возраста (при том, что и возраст этот не был особенно высоким), начинали восприниматься окружающими как «старые девы», что нередко побуждало их выходить замуж без любви, а это часто делало их несчастными в браке, увеличивая вероятность внебрачных романов и разводов. Неженатые мужчины тоже испытывали давление общественного мнения, но оно всегда было слабее, чем в отношении женщин, кроме того, мужчина начинал восприниматься «старым холостяком» в значительно более солидном возрасте (после 40 лет), чем женщина «старой девой» (примерно после 25–30 лет)⁹². Налицо был конфликт норм: одна из них требовала, чтобы все браки совершались по любви, а другая, чтобы в брак вступали все и незаконно не сожительствовали⁹³. (Совершенно аналогично дореволюционному брачному порядку, при котором в «старые девы» можно было попасть и в 20 лет!)

Еще одна характерная черта этого периода, непосредственно связанная с отмеченной выше, – всеобщность брачности: подавляющее большинство мужчин и женщин хотя бы один раз в жизни вступали в брак. По материалам переписи населения 1979 г., лишь 1,9% мужчин и 4,0% женщин России в возрасте 45–49 лет никогда не состояли в браке, по данным переписи 1989 г., эти показатели составляли соответственно 3,7 и 3,5%⁹⁴. В 1960–1980-е годы возраст вступления в первый брак все время снижался. В стране наблюдалась характерная для традиционного общества установка на ранние браки, что еще более сближало советский брачный порядок с традиционным.

Отмеченные выше особенности подтверждаются проведенным в 1989 г. ВЦИОМ опросом населения на тему «Семья в зеркале общественного мнения». На вопрос «считаете ли вы, что каждый человек должен вступить в брак и завести семью?» большинство ответили утвердительно. Причем в старших возрастах доля положительных ответов оказалась, как и следовало ожидать, выше. Отрицательно на этот вопрос ответили немногим более 20% лиц моложе 20 лет, 15% в возрасте 20–29 лет, 13% в возрасте 30–39 лет и всего 9% в возрасте 40–49 лет. В ответ на вопрос о причинах вступления в брак прежде всего назывались желание иметь детей (56%) и стремление находиться рядом с супругом. Гораздо реже говорилось о потребности иметь постоянного сексуального партнера или о необходимости не нарушать традицию (по 7%). Согласно этому опросу, для российских женщин ценность семьи, как и можно было ожидать, оказалась выше, чем для мужчин⁹⁵.

Новые эксперименты и поиски (1990–2003 гг.)

Серьезные изменения, охватившие в 1990-е годы все российское общество (распад СССР в 1991 г., формирование новой российской законодательной базы), не обошли стороной и брачно-семейные отношения. Изменения в брачно-семейной области были связаны с тремя группами причин: естественной трансформацией демографической модели, отменой жесткого государственного контроля (например, такого внешнего «регулятора», как вызов на общее собрание трудового коллектива, а членов партии – на заседание парткома) и социально-экономическими трудностями переходного периода. Совокупный результат этих разных причин привел к заметному сокращению уровня регистрируемой брачности в 1990-е годы.

С 1989 по 1993 г. число вновь заключенных браков сократилось почти на четверть (число же разводов при этом увеличилось на 14%)⁹⁶. Минимальной отметки показатель брачности достиг в 1998 г.⁹⁷ Возможно, здесь сказалось и снижение об-

щей численности населения и численности брачных возрастов. Это коснулось всех возрастных групп, поскольку было связано с общим изменением модели демографического поведения, но особенно наглядно оно проявилось у молодых людей. Стало резко сокращаться как абсолютное, так и относительное число зарегистрированных браков, т.е. начался отход от всеобщей брачности. Молодые люди предпочитали жить вместе, ведя совместное хозяйство, но не спешить с регистрацией своих отношений в государственных органах, так что количество таких незарегистрированных сожительств оказалось сложно статистически учитывать. Проведенная в 1994 г. микроперепись зафиксировала 6,5% мужчин и 6,7% женщин, состоявших в незарегистрированных брачных союзах, хотя реальные цифры явно были выше.

К началу 1990-х годов незарегистрированные сожительства бесспорно стали приемлемой социальной нормой. Опрос общественного мнения, проведенный в 1994 г., показал, что к таким незарегистрированным союзам лояльно отнеслись 66% мужчин и 51% женщин. При этом большинство людей старших возрастов (63%) по-прежнему отрицательно воспринимали незарегистрированные браки, в то время как среди респондентов моложе 25 лет такие союзы осудили только 18%⁹⁸. Прошло всего три года, и в 1997 г., по некоторым данным, терпимость к незарегистрированным бракам возросла еще более: их осудили лишь 6% людей в возрасте от 16 до 50 лет и 21% лиц старше 50 лет⁹⁹.

Происшедший в 1990-е годы рост незарегистрированных брачных союзов и внебрачных рождений может означать тенденцию к разделению институтов брака и семьи (подобная тенденция характерна не только для России, еще раньше она наметилась в большинстве стран Запада). Нельзя не заметить и того, что эта тенденция связана с более осторожным отношением людей к регулированию собственных прав в браке (до социальных потрясений 1990-х годов общество было более социально однородным, когда же появились «богатые» и «бедные», вопрос о материальных потерях в случае развода стал одним из препятствий к заключению брачных союзов «по всем правилам», что и привело к снижению показателей брачности). Молодежь тоже стала куда более рационально подходить к вопросу создания семьи¹⁰⁰, откладывая регистрацию брака и рождение детей на более поздний возраст, когда для этого будут необходимые материальные условия. Влияют на сокращение показателей брачности и стрессовые факторы кризисного общества: потеря или смена работы, неразрешимость жилищного вопроса, перенапряжение на работе и пр.¹⁰¹ На сокращении брачности в 1990-е годы в какой-то степени сказалась и сложная ситуация на «брачном рынке»: невыгодное для женщин соотношение полов в некоторых возрастных группах усиливает конкуренцию в поисках женихов и расширяет возможности мужчин для повторных браков¹⁰². Деинституализации брака способствовало и прекращение искусственного стимулирования брака государством: ушли в прошлое санкции против разводящихся, уменьшились преимущества семейного статуса¹⁰³. Дала о себе знать – хоть и с большим опозданием, по сравнению с Западом, сексуальная революция: появившиеся в продаже внутриматочные спирали, гормональные контрацептивы, расширение сети негосударственных медицинских учреждений, в которых можно было без боли и последствий для здоровья избавиться от нежелательной беременности, способствовали увеличению числа внебрачных связей и фактических браков, партнеры в которых не торопились идти в загсы.

Сексуальная революция оказала влияние и на возраст вступления в брак. В 1993 г. возраст вступления в первый брак перестал снижаться, а с 1994 г. начал постепенно возрастать¹⁰⁴. Распространение незарегистрированных браков привело не только к сокращению доли официальных браков, но и к увеличению среднего возраста вступления в «законный брак». Если ранее возраст начала половой жизни находился в достаточно жесткой корреляции с возрастом вступления в брак, и снижение возраста начала сексуальных отношений сопровождалось снижением возраста вступления в брак, то теперь временной разрыв между этими двумя событиями сильно увеличился. Раньше такие события, как начало регулярной половой жизни, вступление в пер-

вый брак и рождение первого ребенка охватывали небольшой временной период, от года до трех лет. На такой модели держалось и традиционное российское половое воспитание (первый сексуальный партнер становился избранником или избранницей на всю или большую часть жизни, детей заводили сразу после заключения брака, что позволяло в буквальном смысле отсчитывать день рождения первенца от дня свадебного торжества). В 1990-е годы сексуальные отношения, брак, рождение и воспитание детей стали превращаться для молодежи во все более независимые друг от друга ценности, не связанные жестко между собой, как это было в прошлых поколениях, в том числе и в поколении их родителей¹⁰⁵.

Раннее начало активной половой жизни перестало сопровождаться большим числом незапланированных беременностей и браков «вдогонку». И если начиная с 1989 г. всякая рождаемость (и брачная, и внебрачная) снижалась, то в начале 1990-х годов, при сохранении тенденции к сокращению брачной рождаемости рождаемость внебрачная (ставшая более приемлемой социальной нормой) резко увеличилась. В результате в 1998 г. общее увеличение числа рожденных было достигнуто за счет внебрачных рождений, прирост которых в указанном году составил 8,4%¹⁰⁶. При этом до половины детей, рожденных вне брака, в настоящее время официально признаются своими отцами, внебрачный ребенок у матери не единственный, да и рожают вне брака в современной России в основном не подростки или женщины «сильно за 30», а женщины основных репродуктивных возрастов (от 20 до 34 лет)¹⁰⁷. Это наводит на мысль, что такие рождения часто происходят не у одиноких женщин, а в незарегистрированных семьях.

Из-за повышения возраста вступления в брак особенно сильно упала рождаемость в возрастной категории до 25 лет. Уровень же рождаемости у женщин старше 30 лет в последние годы даже возрос¹⁰⁸. Доля детей, рожденных вне брака, продолжает неуклонно расти: 10,6% от общего числа родившихся в 1970 г., 10,8 – в 1980 г., 12,0 – в 1985 г., 14,6 – в 1990 г., 16,0 – в 1991 г., 17,2 – в 1992 г., 18,2 – в 1993 г. и 28 – в 1999 г.¹⁰⁹ Таким образом, этот показатель увеличился почти втрое, по сравнению с 1970-ми годами, и вдвое, по сравнению с рубежом 1980-х – 1990-х годов: жесткие государственные установки относительно незарегистрированных браков в прошлом явно сдерживали рождаемость как таковую.

Что касается разводимости, то ее показатели в России по-прежнему держатся на высоком уровне. Вместе с тем абсолютное число разводов в последние годы несколько уменьшилось, что связано с сокращением числа зарегистрированных браков, поскольку распад незарегистрированных семейных союзов статистика учесть не может. При этом доля повторных браков остается довольно высокой: в 1997 г. 28,5% для мужчин и 27,6% для женщин. Одновременно с этим доля незарегистрированных повторных браков среди всех браков значительно выше, чем доля незарегистрированных первых. Так, в конце 1990-х годов они составляли среди первых браков 2,9%, среди вторых – 30,5%, а среди третьих браков – 41,7%¹¹⁰.

Ухудшение демографической ситуации в России в 1990-е годы вызвало беспокойство государства и разных общественных сил. Вопросам брака и семьи стало уделяться больше внимания и в СМИ, и в научной литературе.

Противники нынешних социально-экономических преобразований в России (прежде всего коммунисты) не раз пытались связать сокращение брачности и рождаемости с происходящими в стране социальными изменениями. Доля истины в этом есть, и немалая. Однако стоит учесть, что непредвзятые демографические исследования свидетельствуют, что это не так¹¹¹. В демографии есть показатель реализации потенциала брачности (фактическое число браков в процентах к теоретически максимально возможному). Он учитывает структуру населения по полу, возрасту, брачному состоянию и сложившуюся систему комбинации возрастов женихов и невест. Динамика этого показателя (22,4% в 1958–1959 гг., 19,2 в 1969–1970 гг., 17,7 в 1978–1979 гг., 14,3 в 1988–1989 гг., 9,7 в 1993–1994 гг.) наглядно демонстрирует, что сни-

жение брачности началось задолго до социально-экономических реформ 1990-х годов, хотя, конечно, последние сказались на темпах этого процесса¹¹².

В условиях снижения рождаемости звучали разные идеи о том, как улучшить сложившуюся в стране непростую демографическую ситуацию. Выдвигались и весьма экзотические предложения. Так, в 1996 г. фракция Либерально-демократической партии России (ЛДПР) в Государственной Думе подготовила проект федерального закона, который должен был внести существенные изменения и дополнения в «Семейный кодекс Российской Федерации». Суть поправок в первую очередь сводилась к юридическому признанию наряду с моногамной также и полигамной семьи и регламентации функционирования полигамных отношений. Разработчики проекта считали, что подобные нововведения увеличат шансы незамужних женщин создать семью и легализуют статус любовниц женатых мужчин, что в конечном счете, по мнению авторов проекта, способствовало бы росту рождаемости¹¹³. Как и другие экстравагантные идеи ЛДПР, этот проект Думой принят не был. Однако следует отметить, что одна из республик Российской Федерации – Ингушетия (где преобладает мусульманское население) – приняла закон, разрешающий многоженство.

В 1990-е годы в российском обществе заметно возросла роль религии¹¹⁴. Церковь стала открыто высказываться по различным социально значимым вопросам и пытаться влиять на ситуацию в обществе. В условиях стремительных перемен некоторые священники попробовали было объявлять гражданские зарегистрированные браки «незаконными», требуя от прихожан прекращать их, не допускать «невенчанных» супругов к причащению, приравнивая гражданский зарегистрированный брак к блуду. Однако на Священном Синоде Русской Православной Церкви в декабре 1998 г. священникам, придерживавшимся таких установок, было разъяснено, что хотя церковь и подчеркивает необходимость венчания, она с уважением относится и к гражданскому браку. То же самое было подтверждено и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»¹¹⁵.

Подавляющее большинство зарегистрированных брачных союзов – это все-таки гражданские, а не церковные браки. Только гражданские браки признаются официально. Правда, государство больше не препятствует религиозным бракам, но юридической силы они по-прежнему не имеют, поэтому венчания (которые стали довольно частыми) обычно совершаются вслед за регистрацией брака в загсе. Вслед за гражданской церемонией молодожены направляются в церковь, привлеченные красотой обряда и желанием «поддержать традицию». В советское время у людей почти не было такой возможности.

Желая хоть как-то влиять на моральные устои россиян, обновленная РПЦ начала активную подготовку документов, регулирующих социальную политику. Немалое место в ней должны были занять и брачно-семейные вопросы. В 2000 г. на архиерейском соборе были обсуждены и приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В этом документе в разделе, посвященном вопросам личной, семейной и общественной нравственности, еще раз подчеркивается, что «Церковь никогда не относилась к браку пренебрежительно»¹¹⁶, что брак для христиан – это вечное единение супругов во Христе¹¹⁷. Церковь, подчеркивается в документе, настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака¹¹⁸. Церковный развод достаточно сложен, к тому же церковь признает весьма ограниченное число поводов к нему. Как и ранее, церковь не поощряется второбрачие, однако после законного развода духовные пастыри обычно не препятствуют невиновной стороне вступить в новый брак. Для стороны же, инициировавшей развод, второй церковный брак разрешается лишь после покаяния и выполнения епитимьи¹¹⁹. Третий брак допускается только в исключительных случаях, и срок епитимьи увеличивается¹²⁰. Как и в давние времена, православные идеологи настаивают на том, что половые отношения возможны лишь в браке, именуя внебрачные или добрачные связи блудом¹²¹.

Таким образом, Русская Православная Церковь призывает свою паству следовать традиционным нормам брачных отношений. Другой вопрос – насколько люди выполняют эти предписания. Современная ситуация (распространение добрачных связей, незарегистрированных брачных союзов, высокая разводимость) свидетельствует, что особого отклика призывы Церкви пока не находят. Хотя большинство населения причисляет себя к верующим, по-настоящему воцерковленных людей не много, а считающие себя православными подчас довольно легко, поверхностно и лишь на словах каются в содеянном (развод) и исполняют епитимью, лишь бы получить формальное благословение на следующий брак.

Представления о запрещенном и разрешенном в современном российском обществе отражены не столько в упомянутом выше документе, одобренном высшими церковными иерархами, сколько правовыми документами светского происхождения. Так, в декабре 1995 г. в связи с реформой семейного и гражданского законодательства Государственная Дума приняла новый семейный кодекс, вступивший в силу в марте 1996 г. Некоторые институты, включавшиеся раньше в семейный кодекс, были переведены в кодекс гражданский. При советской власти брачно-семейные отношения регулировались особым семейным правом, в то время как в большинстве стран это прерогатива гражданского права. Этим стремились подчеркнуть, что при социализме имущественный элемент не занимает в семейных отношениях существенного места¹²². В советском брачном законодательстве неизменно присутствовал принцип общности совместно нажитого имущества при раздельности имущества добрачного (брачный контракт и основанная на нем долевая или раздельная собственность супругов на нажитое в браке имущество исключались). С начала 1990-х годов такое положение перестало соответствовать изменившимся реалиям. Поэтому общая направленность новаций кодекса 1995 г. сводилась к замене везде, где это было возможно, императивных норм диспозитивными, дающими супругам возможность самим определять содержание своих правоотношений через различные договоренности¹²³. По сравнению с советскими кодексами, в новом семейном кодексе супругам, как и другим членам семьи, было предоставлено куда больше прав самостоятельно регулировать возникающие споры¹²⁴. Составители нового кодекса отказались также от характерных для советского законодательства идеологизированных нравственных рассуждений неправового характера.

Новый кодекс, как, впрочем, и предыдущий, подчеркивает добровольность вступления в брак. Минимальный брачный возраст, как и ранее, составляет 18 лет (при наличии уважительных причин он может быть по просьбе вступающих в брак снижен до 16 лет, а при особых исключительных обстоятельствах и до более раннего возраста). Препятствиями к вступлению в брак остаются другой брак, близкое родство и недееспособность вследствие психического расстройства¹²⁵. Заявление о регистрации брака подается за месяц до этого события. По уважительным причинам месячный срок может быть сокращен или, наоборот, увеличен (но не более, чем на месяц). В экстренных обстоятельствах (беременность, рождение ребенка, непосредственная угроза жизни одному из вступающих в брак) регистрация брака может быть произведена в день подачи заявления¹²⁶.

Впервые в кодексе было записано, что при желании и с согласия вступающих в брак государственные и муниципальные медицинские учреждения должны бесплатно проводить медико-генетическое обследование будущих молодоженов. При этом результаты обследования составляют медицинскую тайну и могут быть сообщены другому из вступающих в брак только с согласия первого. Однако если один из вступающих в брак скроет от другого наличие венерического заболевания (что, конечно, является показателем попыток государства все еще вмешиваться в частную жизнь своих граждан, когда речь идет о воспроизводстве населения!), а также ВИЧ-инфекции, то это может послужить причиной обращения одного из супругов в суд с требованием признать брак недействительным¹²⁷. Если же по вине одного из супругов произошло заражение ВИЧ-инфекцией другого супруга, то виновный может

быть привлечен к уголовной ответственности и приговорен к лишению свободы на срок до пяти лет¹²⁸.

В свете новой социально-экономической и политической ситуации в стране в кодексе по-иному определяются имущественные отношения супругов. Добрачное имущество, как и раньше, считается принадлежащим каждому из супругов. А вот имуществом, нажитым в браке, теперь можно распоряжаться по-разному. В соответствии с законом такое имущество считается совместной собственностью супругов. Новый кодекс предусматривает также возможность распоряжения имуществом на основе заключенного брачного договора. Брачным договором можно определить судьбу имущества на случай расторжения брака¹²⁹.

Новый кодекс внес изменения и в порядок развода. Смысл изменений основывается на положении, что если брак – это свободный и добровольный союз, то и расторжение брака должно быть свободным¹³⁰. Государство, наконец, отказалось от активного вмешательства в вопрос о сохранении брака. Если развод через загс, по новому кодексу, не претерпел особых изменений (он возможен в тех же случаях, что и раньше, только расторжение брака производится не через три месяца, а через месяц после подачи заявления о прекращении брака)¹³¹, то процедура развода через суд изменилась в большей степени. Как и ранее, развод производится через суд, когда супруги имеют несовершеннолетних детей (вне зависимости от того, оба или один из супругов согласен на развод) или когда на развод согласен лишь один из супругов (вне зависимости от наличия детей). В случае, когда оба супруга согласны на развод, но имеют несовершеннолетних детей, развод через суд производится исключительно в целях защиты интересов детей, мотивы же развода, в отличие от практики прошлых лет, не выясняются. Если же один из супругов не согласен на развод, суд, выслушав доводы супруга, желающего развестись, может отложить слушание дела, назначив супругам срок для возможного примирения в пределах трех месяцев. По истечении этого срока, если примирение не произойдет, суд должен супругов развести¹³². Отказать в расторжении брака суд теперь не имеет права.

Социологические опросы, проводившиеся в преддверии переписи населения России 2002 г., показали, что в незарегистрированных браках женщины собираются называть себя замужними, в то время как мужчины – неженатыми, что отражает большую зависимость женщин от социально-ожидаемой модели брачного поведения (остаться незамужней по-прежнему считается не то что бы позорным, но ставит женщину в положение жалеемой, несчастной).

Сохранение сравнительно высокой значимости брачных уз для создания семьи остается заметным среди молодежи, хотя в понимании содержания брака и моделях ролевого взаимодействия супругов или партнеров появилось значительное разнообразие. По-прежнему существует традиционная модель брака, соответствующая исторически сложившемуся распределению ролей: муж – кормилец, жена – хранительница «домашнего очага» (для советского времени господствующим был гендерный порядок, основанный на концепте «работающей матери», когда женщины, работавшие на равных с мужьями, дома выполняли все традиционные функции «хорошей жены» – поддерживали уют, занимались домашним хозяйством, воспитанием детей). В последние же годы все больше распространяется модернизированная модель, когда оба супруга в равной или почти равной мере отвечают как за материальное обеспечение семьи, так и за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Браки в описываемых союзах оказываются при этом менее прочными, так как семейные роли мужа и жены взаимозаменяются, каждый из супругов понимает, что может прожить и без данного партнера, так что брак держится, пока существуют и крепнут взаимное уважение, любовь, сексуальная и эмоционально-психологическая привязанность супругов друг к другу¹³³.

Появились и новые разновидности гендерных контрактов в российских семьях. Преуспевающий муж-кормилец (каких и по сей день немного), конечно, в состоянии освободить неработающую жену от ведения хозяйства (хозяйством занимается при-

слуга, детей воспитывают няньки-гувернантки). При этом одни жены становятся деловыми партнерами, коллегами и единомышленницами своих супругов, другие же попадают в полную материальную и психологическую зависимость от мужей. Устойчивость брака (в обоих вариантах) опять-таки оказывается в зависимости от трудно учитываемых статистически факторов, от чувств и привязанности мужа и жены. Наконец, нередкими в России стали браки, в которых основным кормильцем семьи является женщина, а хозяйством приходится заниматься с ней, и мужу. Стабильность таких браков держится на эмоционально-психологических факторах, терпимости жены и мужа к такой «нетрадиционной» ситуации.

Оценивая происшедшие изменения, можно прийти к выводу, что на рубеже веков и тысячелетий в России (вслед за Западной Европой) сформировалась тенденция к переходу от зарегистрированных браков к незарегистрированным и просто к сожительству, причем особенно ярко она проявляется в молодых поколениях. Возраст вступления молодежи в первый зарегистрированный брак заметно возрос. По-видимому, это объясняется неверием молодежи в пожизненный характер брака и нежеланием создавать себе лишние проблемы с разводами и разделом имущества¹³⁴. Подводя общие итоги, можно констатировать, что, несмотря на все проводившиеся в СССР эксперименты в сфере брачно-семейных отношений и стремление советского государства жестко контролировать брачное поведение своих граждан, после того, как государственное вмешательство в личную жизнь людей пресеклось, ситуация в области брака и семьи в России заметно приблизилась к ситуации в странах Западной Европы.

Примечания

¹ Скрипилов Е.А. Семейное право // Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1994.

² Наумова Н.Ф. Брак // Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 19–20.

³ Королев Ю.А. Соотношение правовых норм и моральных требований при регулировании брачно-семейных отношений в СССР. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968; См. также: Брак // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 61.

⁴ Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. P., 1998. P. 4.

⁵ См. об этом: Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. М., 1997.

⁶ Kon I.S. The Sexual Revolution in Russia. From Age of the Czars Today. N.Y., 1995. P. 269.

⁷ Подробнее см.: Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X–XX вв. // Русские. М., 1997. С. 456–466. (Сер. «Народы и культуры»).

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443–444; Fitzpatrick Sh. Sex and Revolution: An Examination of Literal and Statistical Data on the Mores of Soviet Students in the 1920's // Jour. of Modern History. 1978. Vol. 50 (2). P. 252–278.

⁹ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. М., 1978. С. 128–178, 222–223.

¹⁰ Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. М., 1923.

¹¹ Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 161–164.

¹² Ленин В.И. Письмо Инессе Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 49. С. 54–57.

¹³ Там же. С. 54–55.

¹⁴ Луначарский А.В. О быте. М.; Л., 1927.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР (далее – СУР РСФСР). М., 1917. № 1, 10.

¹⁶ А.М. Коллонтай писала: «Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла – "если мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе" – поколебали меня. Важен был и моральный престиж Народных комиссаров. Гражданский брак положил бы конец всем перешептываниям и улыбкам за нашими спинами...» (Цит. по: Безелянский Ю. Эрос в мундире дипломата // Безелянский Ю.Н. Вера. Надежда. Любовь. Женские портреты. М., 2001).

¹⁷ До событий 1917 г. церковное право предписывало вступать в браки лишь до 60 лет, а светское право – до 80 лет, поскольку после этого возраста, как полагали тогдашние законодатели, индивид должен уже думать более о «горнем мире» (Ворожейкин Е.М. Правовые основы брака и семьи. М., 1969. С. 34).

¹⁸ Духовные консистории и суды при них ликвидированы в мае 1920 г. См.: СУР РСФСР. М., 1920. № 45. Ст. 205.

¹⁹ Антокольская М.В. Лекции по семейному праву. М., 1995. С. 59.

- ²⁰ СУР РСФСР. М., 1918. № 76.
- ²¹ Первый гражданский кодекс появился в России лишь в 1922 г., в период «новой экономической политики», когда началось возрождение гражданских отношений. См. об этом: *Стучка В.И.* Курс советского гражданского права. Т. 1. М., 1931. С. 6.
- ²² *Гойхбарг А.Г.* Новое семейное право. М., 1918.
- ²³ *Pushkareva N.* Women in Russian History from the 10th to the 20th c. N.Y., 1997.
- ²⁴ СУР РСФСР. М., 1918. № 76. Ст. 130–133.
- ²⁵ Подробнее см.: *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекуное право Советской республики. М., 1920.
- ²⁶ *Голод С.И.* Вопросы семьи и половой морали в дискуссиях 20-х гг. // Марксистская этическая мысль в СССР. Очерки. М., 1989.
- ²⁷ Das Eherecht in der Sowjetunion // Der Weg der Frau. 1932. Hf. 11. S. 18–31.
- ²⁸ *Пирожкова В.А.* Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. СПб., 1998. С. 52.
- ²⁹ См. например: За жабры // Смена. 1923. 22 сентября.
- ³⁰ Подробнее см.: *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. 1920–1930 гг. СПб., 1999. С. 268–269.
- ³¹ См. дискуссию на страницах журнала «Еженедельник советской юстиции» за 1922–1925 гг. См. также: *Роговин В.З.* Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х гг. // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4; *Он же.* Вопросы семьи и положения женщины в советской социологии 20-х гг. // Динамика изменений положения женщины и семья. М., 1972.
- ³² *Преображенский Е.А.* О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923.
- ³³ См.: Брак и семья. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1926; *Домбровский Е.И.* Дискуссия о браке и семье // Революционная законность. 1926. № 9/10. С. 4–8.
- ³⁴ *Василевский Л.М.* Половое воспитание ребенка. М.; Л., 1924. С. 9.
- ³⁵ *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М., 1924. С. 65; *Он же.* Половой вопрос. М., 1930. С. 252–253.
- ³⁶ *Сорохтин Г.Н.* Половое воспитание детей в плане марксистской педагогики // Половой вопрос в школе и в жизни. Л., 1927. С. 82.
- ³⁷ *Коллонтай А.М.* Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 53.
- ³⁸ *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому Эросу! (письмо трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 110–112; см. также: *Пушкарев А.М.* А.М. Коллонтай и проблема «новой половой морали» (Обзор российских и зарубежных исследований) // *Успенская В.И.* А.М. Коллонтай: феминистка и революционерка. Тверь, 2002.
- ³⁹ *Коллонтай А.М.* Революция быта // Искусство кино. 1991. № 6. С. 105–109.
- ⁴⁰ Определения Государственной Контрольной Комиссии ВС РСФСР. № 36188, 36419 // Судебная практика. 1927. № 1. С. 12; № 5. С. 16.
- ⁴¹ *Скворцов С.* Разврат ли это? // Смена. 1927. № 8. С. 6; ср.: *Григорьев Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. М.; Л., 1927. С. 164.
- ⁴² *Шкловский В.Б.* За сорок лет. М., 1965. С. 107.
- ⁴³ Кино. 1926. 14 сент. С. 1–2.
- ⁴⁴ *Гращенкова И.* Абрам Роом. М., 1977. С. 85–86.
- ⁴⁵ Подробнее см.: Новое о Маяковском. М., 1958. С. 101.
- ⁴⁶ *Раевич С.И.* Брачное и семейное право // Основы советского права. М.; Л., 1927. С. 426.
- ⁴⁷ *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 29.
- ⁴⁸ *Шишкевич М.* Семья и брак в условиях нового быта // Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1927. С. 91–92.
- ⁴⁹ Старый и новый быт. М., 1923. С. 121.
- ⁵⁰ Там же. С. 122.
- ⁵¹ СУР РСФСР. М., 1926. № 82.
- ⁵² *Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В.* История советского гражданского права. 1917–1947. М., 1949. С. 436.
- ⁵³ *Бошко В.И.* Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 60–61.
- ⁵⁴ *Голод С.И.* XX век и тенденции... С. 37.
- ⁵⁵ *Волков В.* Концепция культурности, 1935–1938: сталинская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социолог. журнал. 1996. № 2.
- ⁵⁶ За однополую любовь и основанное на ней сожителство в 1933 г. было введено уголовное наказание – от 3 до 8 лет (см.: *Авдеев М.И.* Судебная медицина. М., 1951).
- ⁵⁷ К празднованию Международного юношеского дня // Комсомольская правда. 1937. 19 нояб.
- ⁵⁸ *Вольфсон С.Я.* Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937. С. 233–234.

- ⁵⁹ См. об этом: *Пушкарёва И.Л.* Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1995. № 3. С. 21–36.
- ⁶⁰ См.: Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. М., 1935. С. 138.
- ⁶¹ *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Советский этакратический гендерный порядок // *Социальная история*-2002. Гендерный выпуск. М., 2003 (в печати).
- ⁶² *Свердлов Г.М.* О предмете и системе социалистического семейного права // *Сов. государство и право*. 1941. № 1. С. 58.
- ⁶³ Собрание законов СССР. М., 1936. № 34. С. 309–315.
- ⁶⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
- ⁶⁵ <http://www.distance.ru/4stud/umk/iogp/iogp23.html>
- ⁶⁶ <http://moskvoved.narod.ru/ermolovatheatr.htm>
- ⁶⁷ <http://www.ОХРАНА.ru/print.asp?5442>
- ⁶⁸ *Свердлов Г.М.* Охрана интересов детей в советском семейном праве. М., 1955; 40 лет советского права. Т. 2. Л., 1957. С. 2734; *Карева М.П.* Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1952. С. 153.
- ⁶⁹ *Урлианс Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 30.
- ⁷⁰ Литературная газета. 1961. 30 сент. С. 6. См. также: *Бильный В.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1959. С. 250.
- ⁷¹ «Москва встретила меня не очень приветливо. Обегал все учреждения – везде... ответ: не можем прописать. Пришлось пойти по пути женитьбы. За два дня намел девицу. На третий предложил ей выйти в ЗАГС. Она согласилась...» Эти строки из письма комсомольца, которое он обронил в ателье, были прочитаны работниками ателье, переславшими письмо в газету, которая и устроила широкое обсуждение «инцидента». Письмо было опубликовано в газете вместе с фотографией и биографией «провинившегося»! См.: *Курганов И.А.* Женщины в семье // *Женщины и коммунизм*. Нью-Йорк, 1968. С. 139–215.
- ⁷² *Юркевич Н.Г.* Советская семья: функции и условия стабильности. Минск, 1970. С. 10.
- ⁷³ Подробнее см.: *Клецин А.А.* Социология семьи // *Социология в России*. М., 1998. С. 426–429.
- ⁷⁴ *Лаптенков С.* Мораль и семья. Минск, 1967. С. 121.
- ⁷⁵ Новое в законодательстве о браке и семье. М., 1970. С. 9–11.
- ⁷⁶ *Ворожейкин Е.М.* Правовые основы брака и семьи. М., 1969. С. 27.
- ⁷⁷ *Урлианс Ц.Б.* Указ. соч. С. 54.
- ⁷⁸ Новое в законодательстве о браке и семье. С. 32, 34.
- ⁷⁹ *Ворожейкин Е.М.* Указ. раб. С. 24.
- ⁸⁰ Там же. С. 33.
- ⁸¹ Само понятие фиктивного брака было впервые введено именно этим законодательством и, как говорилось в «Основах законодательства...», было «направлено против злоупотреблений со стороны отдельных недобросовестных лиц теми правами и льготами, которые предоставляет государство гражданам, имеющим семью» (Новое в законодательстве... С. 46). Введение этого понятия свидетельствует о том, что государство не считало брак частным делом вступающих в него лиц.
- ⁸² *Ворожейкин Е.М.* Указ. соч. С. 38–49.
- ⁸³ Новое в законодательстве... С. 10.
- ⁸⁴ Там же. С. 43–44.
- ⁸⁵ Там же. С. 44.
- ⁸⁶ Позже возможность судов отказывать в разводе была конкретизирована. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 ноября 1980 г. говорилось, что «временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными причинами, а также не подтвержденное серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак не могут считаться достаточным основанием для его расторжения». В юридической литературе также разъяснялось, что суд не должен принимать во внимание такие «не совместимые с требованиями коммунистической морали» причины, как небольшой заработок супруга или его недостаточная образованность. См.: *Советское семейное право*. М., 1982. С. 121–122.
- ⁸⁷ Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1965. С. 709.
- ⁸⁸ Новое в законодательстве... С. 60.
- ⁸⁹ *Juviler P.* The Family in the Soviet System // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. Paper № 306. Pittsburg, 1984. P. 11.
- ⁹⁰ Советское семейное право. М., 1982. С. 37.
- ⁹¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 22.
- ⁹² *Синельников А.Б.* Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 36–37.
- ⁹³ Там же. С. 36.

- ⁹⁴ О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 11.
- ⁹⁵ Там же. С. 77.
- ⁹⁶ Там же. С. 17.
- ⁹⁷ Население России 1999. М., 2000. С. 47.
- ⁹⁸ Население России 1998. М., 1999. С. 30.
- ⁹⁹ *Bodrova V.* Russian attitudes on sex and youth. Vol. 25. Choices, 1996. P. 9.
- ¹⁰⁰ *Гурко Т.А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 96.
- ¹⁰¹ Там же. С. 98.
- ¹⁰² О положении семей... С. 17.
- ¹⁰³ *Гурко Т.А.* Указ. раб. С. 99.
- ¹⁰⁴ Население России 1999. С. 49.
- ¹⁰⁵ Население России 2000. М., 2001. С. 31.
- ¹⁰⁶ Население России 1999. С. 61.
- ¹⁰⁷ Население России 2000. С. 46.
- ¹⁰⁸ Население России 1998. С. 35.
- ¹⁰⁹ Российский статистический ежегодник. 1994. Госкомстат России. М., 1994. С. 46; Население России 2000. С. 44.
- ¹¹⁰ Население России 1999. С. 51.
- ¹¹¹ По подсчетам демографа В. Медкова, экономический кризис и падение жизненного уровня «ответственны» за сокращение рождаемости и численности населения не более, чем на 8–10% (Известия. 2000. 20 июля).
- ¹¹² Социальная энциклопедия. М., 2000. С. 48.
- ¹¹³ Известия. 1996. 13 сент.
- ¹¹⁴ Подробнее см.: *Kazmina O.* Freedom of Religion in Post-Soviet Russia // Jour. of Interdisciplinary Studies. Vol. XIII. 2001. № 5.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 59.
- ¹¹⁶ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информ. бюл. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. № 8. С. 56.
- ¹¹⁷ Там же. С. 57.
- ¹¹⁸ Там же. С. 60.
- ¹¹⁹ Там же. С. 61.
- ¹²⁰ Там же. С. 62.
- ¹²¹ Там же. С. 65–66.
- ¹²² *Антокольская М.В.* Указ. соч. С. 8.
- ¹²³ Там же. С. 29.
- ¹²⁴ *Пчелинцева Л.М.* Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 16.
- ¹²⁵ Семейный кодекс Российской Федерации. М., 1996. С. 8.
- ¹²⁶ Там же. С. 7.
- ¹²⁷ Там же. С. 8.
- ¹²⁸ *Пчелинцева Л.М.* Указ. соч. С. 63.
- ¹²⁹ Семейный кодекс Российской Федерации. С. 17–22.
- ¹³⁰ *Изварина А.Ф.* Семейное право. Ростов н/Д., 1998. С. 9.
- ¹³¹ Семейный кодекс Российской Федерации. С. 9.
- ¹³² Там же. С. 10–11.
- ¹³³ Социальная энциклопедия. С. 46.
- ¹³⁴ Там же. С. 49.

N.L. Pushkareva, O.E. Kaz'mina. Marriage in Russia of the XXth c.: Traditional Intentions and Innovative Experiments

The authors trace the history of marriage as social institution in Russia during the XXth c. from the early state experiments in marriage and family regulation and attempts to eliminate the institute of marriage, to tight control of family life of citizens. The results of analysis certify that at the end of the XXth – beginning of the XXIst cc., when the state control over family life in Russia has come to an end, the situation in marriage and family spheres become approximate to the situation in the countries of Western Europe.